

Городской романс

Милая купеческая Москва! Светлана шла по Новокузнецкой, удерживая себя, чтобы не размахивать портфелем, как девчонка. Низенькие, двухэтажные особняки. Переход на Пятницкую, народу заметно прибавилось. Настроение — блеск! В полнеба собор.

Уж прямо-таки толчея. Светлана предвкушала: сейчас получит несказанное удовольствие. Да, вот оно! Вход в подземный тоннель, ступеньки вниз — Боже, какое счастье! Они здесь!

В неопрятном кафельном углу, сразу у ступенек, у урны происходило чудо: один исполнял романсы, другой аккомпанировал ему на гитаре.

Все, Светлана пропала. Она просто-таки слаба на русский городской романс. Если на одну чашу весов положить всю жизнь, а на другую русский романс, то еще неизвестно, что перетянет. Все-таки романс.

«Гаснет луч вечернего заката...» У Светланы перехватило дыхание, сердце растворилось в этом луче вечернего заката.

«Синевой окутаны цветы...» Светлана вела вторым голосом, это же фантастика, как у них вдвоем получается.

«Где же ты, любимый мой когда-то...» В это «когда-то» Светлана вложила все чувство.

Он во фраке, она в концертном длинном серебристом платье с розой в руках, и они в едином полете.

«Где же ты, мой милый друг, где ты?» Светлана, прислонившись плечом к этому, не совсем чистому кафелю, поскольку от чувства ее ноги твердо не стояли, получала самое громадное удовлетворение в жизни — фантазия и реальность, как малозначащие детали, легко вплетались в главный смысл жизни, которым и было ее чувство в этот миг: «Только раз бывает в жизни встреча, Только раз судьбою рвется нить...» Рядом застыли еще несколько прохожих: женщина типа уборщицы с тяжелой сумкой, старичок с мохнатыми седыми бровями, очень модная молодая пара — оба курили, какой-то невидный мужичок.

Толпа же, не обращая внимания на эту группу исполнителей и их почитателей, шла мимо. Вот чуть не задел Светлану широкоплечий русоволосый, русобородый, видать, что богатенький, и вот он уже на три метра в глубине — вот его спина почти закрывается толпой...

«Только раз в холодный зимний вечер...» Умопомрачительный гитарный перебор, русоволосый Садко в толпе вдруг встал как вкопанный.

«Мне так хочется люби-и-ить!» Певец долго нес на последней ноте сердца замороженных, потрясенных слушателей.

Потом чуть ступевался, повернулся к гитаристу, кашлянул, видно, немного отдыхал. Концертный зал из пяти человек грохнул аплодисментами, то есть стоял молча, не шелухнувшись.

Садко в толпе развернулся. И против течения, не спеша, весь отрешенный, подошел к их группе, оказался рядом со Светланой, поставил лаковый темно-красный ботинок на ступеньку, медленно поднял невидящие глаза на исполнителей.

Гитарист, на вид электрик ЖЭКа, великолепно пошел-пошел по струнам, сердце в предчувствии новой волны счастья полетело, почти опережая звуки.

«В нашем старом саду, Где судьба мне тебя подарила...» Могучая грудь былинного русского красавца пошла вверх на вдохе так, что Светлана, стоя рядом, почувствовала себя маленькой.

«Разве сердце свое...» Грудь пошла вниз, будто ее обладателю разом вспомнилось все забытое, горькое, далекое.

«Я тебя, милый друг, не открыла?» Певец, изможденный человек с жидкой бородкой подъячего и полузакрытыми глазами, закончил фразу: «Разве сердце свое Я тебе не открыла?» Опять островок тишины среди океана городского шума. Гитарист взял чехол, начал упаковывать гитару.

В банку упали монеты, пара мятых червонцев.

Русоволосый тяжеловес еще раз вздохнул и вдруг сказал: — Прошу вас, пойдете, по рюмке, я угощаю, прямо вот сюда, — он рукой указал в сторону уличной кафешки, — да и все, — он обвел глазами стоящих, — прошу вас, от души, не в смысле пьянства, а так, по-человечески, приглашаю всех, пойдете.

Невидный мужик, не говоря ни слова, повернулся и слился с толпой, ушел. Исчезла и тетка с тяжелой сумкой. Исполнители застыли с очень заинтересованными лицами.

— Ну так что? — спросил волгарь, обращаясь к модной паре.

Светлана повернулась и уже почти сделала шаг в идущую толку, но рука не смотрящего на нее богатыря шлагбаумом загородила путь.

— Можно, — сказал парень за модную пару, — только угощать нас не надо, мы сами кого хочешь угостим.

Старичок, будто ничего не слышал, так и стоял, пряча взор под мохнатыми бровями.

— Ну, пойдете, — шикарно одетый русоволосый двинулся по ступенькам вверх, больше ни на кого не обращая внимания, — пойдете, пойдете, — это он говорил уже Светлане, не прикасаясь к ней, а на самом деле держа руку так, будто обнимая ее за плечи.

Светлана вдруг взяла да и не стала сопротивляться — а, подумаешь, чуть-чуть приключения с уличным знакомством допустить можно.

Светлана за барной стойкой среди этой разношерстной компании была рассеянной, в сущности — одной ногой как бы на выходе. Почему она согласилась сюда зайти — непонятно, а балагана и вульгарщины не любила. Чуть пригубила ликер, правда, оказавшийся вкусным, и смотрела в окно, готовая идти. Русоволосый с музыкантами чокнулись и со вкусом «вздогнули» по полной водки. Модная пара тянула ликер, ни на кого не смотрела — они шушукались, думая, видимо, что вообще здесь одни. Старичок к водке не притронулся, молчал, смотрел в никуда.

— Вы, знаете, — чтобы как-то объединить всех, обратился к присутствующим, обведя их взглядом, доисторический богатырь в шикарном одеянии, — я, например, не ожидал, что я настолько «наш». Не хочу говорить красиво, но уж как получается. Все время езжу за рубеж, и каждый раз одно и то же: на пятый — седьмой день не могу выйти из гостиницы, выключаю в телевизоре звук и тупо смотрю картинки.

Умираю, как хочу домой.

— Мужики, — он взял за плечи обоих музыкантов, — понимаете, дело даже не в том, как вы исполняете — вы хорошо исполняете, спасибо, а в том, что в этих романсах. Тут какая-то самая суть наша, тьфу, опять на красоты выносит.

«Он, конечно, правильно говорит, этот русоволосый, — думала Светлана, — и сам собою ничего, даже очень ничего, но, как говорят театральные режиссеры, искреннее чувство, выраженное публично, — вульгарно. Если его сейчас слеза прошибет по поводу исконно русской простоты — тра-та-ты, тут же выхожу на улицу».

К несчастью, Светлана задержалась, но не из-за теплоты скоропалительного знакомства, а из-за того, что ликер оказался вкусным.

— Наверное, я непонятно выразился, мужики, — русобородый налил музыкантам и себе еще по полной, при этом у певца кадык дернулся. — Вот Шаляпин, смертельно больной, в Париже писал Коровину, который, как вы знаете, умер там же, под забором, что если б они с Коровиным вновь оказались на Нерли — это речка такая, здесь, рядом, во Владимирской области, и попарились бы в баньке, он, Шаляпин, точно бы выздоровел.

Лица музыкантов отражали одновременно глубокое понимание русской души и лакейскую ресторанныю готовность угодить богатому клиенту.

«Вот сейчас допиваю ликер и — чао», — приняла решение Светлана.

Мужики махнули водки. И в миг, что Светлана должна была сделать шаг к выходу, русобородый обратился напрямую к ней, говоря одновременно всем: — Прошу вас, отнеситесь серьезно к тому, что я сейчас скажу. Завтра — суббота. В моем джипе достаточно места для всех. Ей-богу — поедемте все завтра ко мне — дом в деревне, на озере, поужинаем, попаримся в баньке, заночуем, но главное —

послушаем романсы. А?! — он повернулся к модной шушукающейся паре, парень поднял голову.

— Что? Вы меня спрашиваете?

Садко понял, что обратился не по адресу, и по-дружески одновременно крутанул головой и в сторону музыкантов, и в сторону Светланы.

— Ну что ж, поехали, — сказал гитарист, — почему бы нет? — он как бы обратился к певцу.

— Я согласен, — неожиданно сказал молчаливый старичок.

— Поедемте, не отказывайтесь, как вас зовут? — уже в упор хозяин этого идиотского застолья спросил Светлану.

— А кто там еще будет, и что мы там будем делать?

Светлана почему-то дрогнула и была недовольна собой за то, что проявляет слабость за слабостью.

— Да вот, кроме нас, здесь присутствующих, — никого. В этом вся суть дела. Если бы там кто-то был еще, кто не любит так русский романс, как каждый из нас, — иначе зачем бы в переходе остановились — ей-богу, я бы заболел душой, поскольку этот человек своим равнодушием все испортил бы. Понимаете, такого вечера в нашей жизни никогда не было и не будет: соберутся только те, кто любит романс. Совершенно уникальная атмосфера. Ну? Решайтесь, прошу вас.

«Опять говорит все в принципе очень правильно», — подумала Светлана.

И взяла да и согласилась.

Место, куда они прибыли на навороченном джипе Дмитрия — так звали этого Садко — оказалось и в самом деле сказочным. Темное после зимы озеро.

Над ним, на холме словно опята струдились черные крыши заколоченных бревенчатых изб. Вокруг на других холмах перемежались до боли тоскливые черные поля и дымчатые, еще без листвы перелески. И две трети обзора — небо: немислимые, нереальные краски. Тишина! Все живое, все дышит. Какой-то явственной, сильной, глубинной мыслью веет от черной плоскости озера.

Дмитрий как вышел из джипа, да так и встал, глядя на все это. Либо он прост, либо слишком по-детски прямодушен и открыт, либо играет на публику, либо еще что-то.

Время позже показало, что еще что-то.

Главное, отпали серьезные опасения Светланы, что они приедут в дом, где каждая деталь говорит о женщине, хозяйке дома. Оказалось, что они прибыли в рубленое просторное, в две комнаты помещение — нечто среднее между амбаром и сельмагом, которое, как сказал Дмитрий, они с товарищем купили под охотничий домик.

И правда — внутри был даже не просто беспорядок, а хлев. Мужчины есть мужчины.

Распределили обязанности. Светлана сказала, что будет убирать в помещении — тут до вечера разгребать.

Дмитрий взял на себя готовку еды. Музыканты и старичок занялись приготовлением бани, что ниже стояла черным домиком у озера, и растопкой печей в избе.

Постепенно компания все ближе знакомилась, реплики друг к другу стали веселее, а еще всех как-то изменила окружающая природа. И тишина.

Дмитрий все более проявлял знаки внимания к Светлане — что-то между рыцарским ухаживанием, осторожным заигрыванием и простым товарищеским обращением типа «Светлана, попробуй — ничего? Или подсолить?» Словом, мера выдерживалась так точно, что от этого Светлане было особенно приятно — отпало еще одно опасение: что будет пошлость, вульгарность, а она это на дух не переносила.

Как же было хорошо за ужином! Абсолютно прав оказался Дмитрий: компания, где все искренне любят русский романс, — уникальна. Нигде так душа не отдыхает.

Ямщик, не гони лошадей!

Мне некуда больше спешить.

Мне некого больше любить.

Ямщик, не гони лошадей!

В каждом слове открывался бесконечный и такой важный для всей человеческой жизни смысл.

Они пели все хором. Конечно, изможденный певец пел профессионально. Старичок пел хоть и несильным голосом, но очень хорошо. Дмитрий пел низким голосом абсолютно непрофессионально и иногда чуть фальшивил, но видно — пел от души. Светлана знала про себя, что она поет неплохо, и полностью отдалась тому окончательному упоению, которое называется — русский романс.

Они поднимали тосты, с удовольствием ели.

Дмитрий привез полный багажник вкусностей — быстро перешли на «ты», смеялись, шумно, будто бы о чем-то спорили, снова пели. Вечеру не было конца.

Роман Светланы с Дмитрием раскручивался с какой-то неестественной быстротой. Уже со второго романса они пели друг для друга, друг другу, словно Онегин с Татьяной у Чайковского, пели, любясь друг другом, фактически уже став крепчайшими любовниками. Спиртное, разумеется, все это разогрело и упростило. А когда за столом кончалось пение и начинался звон бокалов, шум, гам, шутки, Светлана уже запросто сидела, опершись о его могучую грудь, склонив голову на его плечо, а когда хохотала, то падала в его объятия.

Вот как это все понять? Разнузданность? Распущенность?

Или людям просто хорошо, и они осмелились безоглядно поверить в порядочность друг друга?

Устали, наконец. Музыканты ушли в темень, в баньку. Старичок сказал, что у него сердце, ему баня противопоказана, и ушел спать в соседнюю комнату.

Спальные места были приготовлены для всех.

Светлана и Дмитрий, счастливые, пьяные, устали друг на друга, вдвоем негромко пели фрагменты из разных романсовых шедевров, иногда их разбирал беспричинный смех. Его рука лежала на ее руке, и Светлана руку не убирала.

Шаги, стук открытой и закрытой двери, музыканты шумовым фоном проследовали в комнату, где уже спал старичок, и все затихло.

— Ну, теперь ты, Света, а потом я, — по-товарищески просто сказал Дмитрий. — Вот полотенце, простынь, остальное в бане, увидишь. Возьми фонарь, чтобы в темноте не споткнуться.

Светлана вышла на крыльцо и замерла. Высоченный черно-светлый небосвод весь сиял звездами.

А земля, деревья вокруг, соседние избы сплошь все было в непроглядной темени.

— Что, страшно идти? — Светлана услышала его тихий голос сзади и почувствовала всем телом его сильные мышцы атлета.

— Если честно, то да, — еле успела ответить Светлана, поскольку он уже подхватил ее на руки, и их губы слились в сладком и столь долгожданном поцелуе.

Баня стала угаром порнографии и искренним счастьем двух молодых людей, которые все себе разрешили.

Они любили, любили, любили друг друга и ничего не стеснялись.

Обратно Светлана в чистой мужской сорочке и чистых кальсонах с полотенцем-тюрбаном на голове в пропахшем мужскими запахами ватнике ехала вверх по черному склону навстречу сияющему звездному небу на сильной спине своего... кого? Кто для нее теперь Дмитрий?

— Светлана Викторовна? А откуда дети берутся? — класс замер. Поганцы, все ответ знают, но им интересно, что она ответит. Вдруг руку тянет Андрей.

— Можно я скажу, Светлана Викторовна?

— Ну скажи, — она согласилась с большим сомнением.

— У нас дома очень породистая собака, кобель, таких всего пять в Москве. Так к нам в квартиру приводят сук на случку и еще большие деньги за это платят. Вот и людей так же.

— Нет, Андрюша, у людей не так же, — голос у нее дрогнул, и она еле сумела закончить фразу.

В классе стояла мертвая тишина.

— Не плачьте, Светлана Викторовна, — громко сказала Марина Уткина, — а ты, придурок, псих недорезанный, думай, что говоришь...

Светлана проснулась на мужском плече. Она открыла глаза и с величайшим интересом изучала ухо, бороду, шею спящего мужчины. Потом аккуратно выползла из-под одеяла.

— Угу, — подтвердил спящий Дмитрий, хотя его ни о чем не спрашивали, и повернулся на бок, продолжая вовсю спать.

Светлана стояла на крыльце в полном изумлении от царственной природы, теперь уже в утреннем свете. Голоса. С озера поднимаются музыканты и старичок.

— Теперь — не теряйте любовь, — весело всерьез сказал гитарист.

— Любовь? Какую любовь? — Светлана искренне рассмеялась счастливым смехом.

— Да вы что? Любовь какая-то, — и она опять рассмеялась от этой мысли.

Светлана и Дмитрий мчались среди лесов одни в джипе. Старичок и музыканты попрощались и ушли на электричку, что, оказывается, была не очень далеко. Как только Дмитрий встал, они бродили по перелескам, выходили к озеру с другой стороны, целовались, говорили мало, а в избе потом снова слились в любовных объятьях.

В магнитоле пел Луи Армстронг, навстречу летела асфальтовая полоса, медленно мимо передвигался лес, стояло голубое небо, они молчали.

Все дальнейшее произошло молниеносно. Запорожец, шедший по встречной, ни с того, ни с сего свернул и пошел прямо на них, лоб в лоб. Дмитрий крутанул баранку в кювет — и «Запорожец» также свернул за ними в тот же кювет. Мир вокруг перевернулся, страшный удар и... Сначала ничего. Потом Светлана почувствовала на губах кровь.

Она с трудом выкарабкалась из перевернутой машины...

— Фамилия, имя, отчество, возраст, — следователь делал записи.

— Белов Дмитрий Сергеевич, тридцать один год, — Дмитрий с сильной ссадиной на скуле корчился от боли в ноге.

— Семейное положение, должность.

— Женат, директор торговой компании «Краски Франции».

— Фамилия, имя, отчество, возраст, вы — жена?

— Нет, не жена. Семина Светлана Викторовна, тридцать четыре года.

— Семейное положение, должность.

— Не замужем, учительница младших классов.

Дмитрий и Светлана без улыбки долго (может быть, прощались?) смотрели друг на друга.

Дальше наступила не просто черная полоса жизни, а полный кошмар. Машины разбиты вдребезги, нечего забирать. Но это мелочь. Светлана раскроила себе лоб и больно стукнулась плечом, и это счастье.

Ангел сберег. У Дмитрия перелом правой ноги. В «Запорожце» дела были куда хуже. У старикана, что был за рулем, переломаны руки, ноги, ребра, и он без сознания отправлен в одну больницу. Бабка, что была с ним, отделалась хоть и сильными, но ушибами.

Ее отвезли в другую больницу — исследовать, нет ли внутренних травм. Но в «Запорожце» была еще женщина, их взрослая дочь, — она погибла!

— Дмитрий, я прощаюсь, — Светлана не знала, как сказать: «с тобой» или «с вами». В результате ничего не сказала, тронула его руку, встала, направилась к двери больничной палаты.

— Света, подожди. Есть одна чисто человеческая просьба. Эта сволочь следовательно отказался идти к деду в больницу, ему, видите ли, некогда.

Но надо знать, почему «Запорожец» поехал на нас.

От этого все зависит. Света, сходи, прошу тебя, к деду. Ты же понимаешь — труп, мне же дело пришьют.

Светлана вернулась от двери, задумчиво, любовно, отрешенно провела по лбу лежащего на белой подушке Дмитрия.

— Дима, прощай, у тебя есть жена, она сходит.

— Она не сходит, — Дмитрий скорчился то ли от боли в ноге, то ли от упоминания о его жене.

— Никто не пойдет, я бы не просил тебя, но, видишь, — не могу идти. Будь другом, сходи!

Светлана с сомнением вздохнула, держа ладонь на такой сильной, ставшей ей близкой мужской груди.

Старик оказался добрый, сердечный, руки-ноги в гипсе.

— Ох, доченька, да я во всем виноват, вот беда-то.

Сердце, понимаешь, прихватило, потерял управление.

«Он ничего не знает про погибшую дочь», — вдруг осенило Светлану.

— Ну вы напишите, что в дорожно-транспортном происшествии виноваты вы, и про сердце — все напишите.

— Ну, конечно, доченька, все, разумеется, напишу, что я изверг, что ли? Не сомневайся. Только завтра. Видишь, сегодня даже ручку не в чем держать, все перебинтовали. Доктор сказал, завтра мне пальцы правой руки разбинтуют, с ними ничего серьезного.

Совершенно иную картину застала Светлана на следующий день. На кровати у ног больного сидела бабка («Все рассказала про дочь!»), и они оба странно-престранно смотрели на вошедшую Светлану.

— Передайте своему мужу, — сказал добрый, сердечный старикан, — что за десять тысяч долларов мы готовы подтвердить на суде, что ваш муж ни в чем не виновен. Мир перевернулся, и одновременно произошел удар: точь-в-точь как в момент автомобильной катастрофы.

Светлана опять встречалась с Дмитрием, и это было противоестественно, поскольку на их дальнейшие контакты после вопросов следователя как будто самой природой был положен окончательный запрет.

Но, видно, судьба человека такая — мучиться.

Когда Дмитрий узнал, чего хотят старики, поднял на нее глаза, полные взрывного негодования, омерзения и в то же время трезвого, расчетливого сомнения — а не заплатить ли требуемую сумму.

— Подонки, вот они у меня получат, — он под простыней обеими руками показал крайне неприличный жест.

— Прощай, — Светлана коснулась губами его губ и ушла навсегда.

Так она думала, что навсегда.

Самые правильные слова сказал, оказывается, гитарист: «Не теряйте любовь».

Дни у Светланы пошли в неспешной серьезной работе — она укладывала любовь по полочкам. Уроки, проверки тетрадей, Новокузнецкая, Пятницкая, собор — каждый день, двигаясь по раз и навсегда заведенному порядку, Светлана одновременно внимательно как бы оглядывала каждый элемент произошедшего между ней и Дмитрием и находила в глубине души место для этого элемента. Вот Дмитрий у джипа застыл, глядя на озеро и дальние перелески.

Вот борода и ухо спящего мужчины. Вот в полутьме она сверху, и его мокрые руки на ее мокрой груди, а от колебания пламени свечи по бревенчатым стенам баньки мечутся устрашающие, хотя и нестрашные тени.

«Как же я теперь потеряю любовь, нет, теперь мне ее никак не потерять, даже если бы захотела, теперь она тут упакована навсегда», — думала Светлана, приготовившись носить в себе любовь-воспоминание до скончания своих дней.

— Светлана Викторовна? — от незнакомого мужского голоса в телефонной трубке почему-то повеяло новой бедой. — Я адвокат Дмитрия Сергеевича.

— А я тут при чем?

— Не торопитесь. Не будете ли так любезны спуститься на улицу, я у вашего подъезда в белой «Тойоте», информация важная, не пожалейте, потратьте минутку.

В машине сидел нормальный мужик, хорошо одетый, располагающей внешности.

— Светлана Викторовна, дела Дмитрия Сергеевича плохи. Давайте начистоту — ему грозит восемь лет.

На миг Светлана почему-то потеряла обзор, то есть вообще ничего не видела.

— В крови Дмитрия Сергеевича обнаружен алкоголь — немного, видно, после вчерашнего, я понимаю, человек хоть и выпивал, но после выспался, уровень прямо на грани допустимого и запрещенного — но это как посмотреть, то есть как посмотрит суд.

— Почему вы это мне говорите, а не ему?

— Потому что он не один в палате.

— Но есть жена.

— Я знаю все обстоятельства и потому обращаюсь к вам.

— Так что вам от меня нужно?

— Видите ли, дело можно замять, не полностью, но практически полностью. Но это стоит денег.

Следователь, судья и адвокат, то есть я, должны получить по две тысячи долларов каждый.

— Ого! — вслух громко сказала Светлана.

— Так делаются эти дела, ни больше ни меньше — стандарт.

— Но вы понимаете, что у меня как у учительницы младших классов никогда не было таких денег!

— Светлана Викторовна, ну что вы в самом деле.

Что я, с Луны свалился, что ли? Или я жизни не знаю? Вы же не чужой для Дмитрия Сергеевича человек, а у него, смею вас заверить, такие суммы просто по карманам рассованы. Но хуже другое. Эти деньги должны быть мне отданы здесь же, сегодня в семнадцать ноль-ноль или будет поздно. До встречи.

Найдите выход, у вас три с половиной часа времени.

И помните — восемь лет.

«Тойота» скрылась.

Дальше все пошло хуже и хуже. На такси Светлана домчалась до больницы, но... Дмитрий оказался в операционной, и до вечера с ним встречи быть не может. Что делать?

Как называется его фирма? «Краски Франции»!

Оказывается, как легко-то найти в телефонном справочнике: вот, пожалуйста, телефон, адрес...

Светлана в дорогом офисе, в приемной президента фирмы. Секретарша — вся внимание.

— Мне нужно встретиться с президентом фирмы с конфиденциальным разговором по делам директора вашей фирмы Дмитрия Сергеевича Белова.

— Минутку, — секретарша скрылась в кабинете президента.

— Эльвира Георгиевна не может вас принять, но поручила мне выслушать вас, пройдемте в кабинет Дмитрия Сергеевича, там нас никто не услышит.

Светлане было все равно, душевные силы ее кончились.

Они вошли в дверь, противоположную двери президента. Светлана коротко, открытым текстом рассказала про то, что законники требуют шесть тысяч долларов уже через два часа. Или Дмитрий получит восемь лет. Пока она рассказывала, дверь открылась, и на пороге появилась стройная, гибкая, черноглазая, надменная молодая особа, прямо-таки хозяйка медной горы. По взгляду, что она вонзила в Светлану, стало все сразу понятно.

— А-а, вы заняты, — сформулировала черноглазая отговорку, и дверь за ней закрылась.

Секретарша вновь удалилась, теперь уже неся президенту весть про шесть тысяч долларов. И почти тут же вернулась.

— Фирма ничем помочь вам не может, до свидания, — никаким голосом проговорила она Светлане.

Как побитая собака стояла Светлана на тротуаре у дверей фирмы и не знала, куда идти.

Только она сделала несколько шагов, как кто-то сзади резко развернул ее за плечо.

— Так вот ты какая! — перед ней стояла хозяйка медной горы, глаза ее горели.

— Я-то думала, он помоложе найдет. Впрочем, скатертью дорожка, пусть катится к... (она великолепно выругалась матом). Забирай его, если хочешь.

Это мой муж, если можно так выразиться, а я президент этой фирмы. Я этого мужчинку из дерьма вытащила, он из НИИ пришел в дырявых штанах устраиваться ко мне на рекламного менеджера (опять мат). И вот она, благодарность. Мне этот лох даром теперь не нужен. Если мужик женится на деньгах, лучше его сразу замочить, чтобы не гадил.

Светлана повернулась и пошла прочь. Но красивая матерщинница догнала.

— На, — она сунула в руки сверток, — забирай, — она хотела еще что-то сказать, но вдруг разрыдалась и побежала к парадным дверям офиса.

В свертке были деньги.

«Не теряйте любовь», — сказал гитарист.

Она ее потеряла. Все дорогие сердцу элементы, которые она бережно расставила по местам в своей душе-музее, — все они оказались куда-то снесены землетрясением в темень, в пропасть. «Мужчинка, который женился на деньгах...»

Может, все-таки что-то осталось от любви? Неужели все потеряно?

Нет не все. То, как он стоял у джиша перед озером, — не ушло. Вдруг Светлану озарило: вот почему Дмитрий нуждался в романсах, в этой поездке, в этой компании, в этой природе: ему, женившемуся на деньгах, места не было на земле.

Не в том дело, что прямолинеен и простодушен он был, нет, ему нужно было куда-то уйти от самого себя.

Так что же осталось от любви? Лишь память о каком-то романтическом приключении и то, как человек стоял у джипа и глядел на озеро. «Вот это и не буду терять», — подумала Светлана.

— Кто тебя просил к ней ходить? — Дмитрий говорил глухо. Исподлобья на Светлану смотрели чужие глаза — с болью, тяжестью, отторжением.

— Уходи, мы больше никогда не увидимся.

Вот теперь, наконец, окончательно пропало все — и романтическое приключение, и человек у джипа перед озером.

Дни пошли, как каторга, тягостные, короткие, мучительные, однообразные. Лишь однажды она вынужденно оказалась у подземного перехода между Пятницкой и Большой Ордынкой, обычно она инстинктивно избегала этого маршрута. Но тут она взглянула с испугом на грязный кафельный угол с урной — там никого не было, только лежала клубком бездомная собака.

На суд Светлана обязана была явиться как свидетельница.

При входе в здание уже знакомый ей адвокат что-то растерянно буркнул, что почему-то в последний миг судью заменили, а этот новый денег не получал и потому ничем никому не обязан, а в этих условиях адвокат ничего не гарантирует. Светлана, уже не имея в душе, куда приложить эту информацию, заняла свое место. Суд шел целый день. Было видно, что судья валил Дмитрия изо всех сил. Валила Дмитрия и представительница потерпевшей стороны, — оказывается, не пришли ни дед, ни бабка, а по договоренности пришла на суд их другая взрослая дочь, которая к происшествию вообще никакого отношения не имела. Так вот она старалась изо всех сил, чтобы Дмитрия засудили.

Завершилось все довольно странно: Дмитрию дали четыре года условно.

Когда Светлана проходила через дверной проем, она — так уж случилось — оказалась свидетельницей сцены: Дмитрий на костылях, перед ним стоит та самая представительница потерпевшей стороны и со злым смехом ему говорит: — Что ж вы не отстегнули мне хотя б тыщонку долларов, я бы показала на суде, что вы ни в чем не виновны, и вас бы оправдали.

— Ну и семейка, — только и смог вымолвить потрясенный Дмитрий, но большего Светлана не слышала, она прямым ходом вышла на улицу.

У нее хватило сил только перейти через улицу, тут она рухнула на скамейку.

На другой стороне, у входа в здание суда, лицом к лицу стояли Дмитрий на костылях и хозяйка медной горы. Они Светлану не видели. Надменная черноглазая красавица что-то крикнула, почти взвизгнула и наотмашь съездила по лицу Дмитрию. Села в стоящий черный «Мерседес», и он тут же исчез.

Через полмесяца, а может, месяц — Светлана почему-то вновь оказалась у подземного перехода между Пятницкой и Большой Ордынкой. Она опять с испугом заглянула туда, вниз ступенек. Оттуда шли звуки потрясающего романса:

Дорогое лицо И знакомо, и строго.

Ах, как мало любви, А печали так много...

— Светлана Викторовна, не плачьте, — сказала круглая отличница Мариночка Уткина.

«Ах, как мало любви, А печали так много», — повторил профессиональный голос эту прекрасную музыкальную фразу.

— Света, я люблю тебя, — сказал за спиной знакомый голос.